

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

С. Ю. Скобелин*

ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация. В статье раскрывается понятие и современные тенденции уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в XXI веке. Анализируется судебная практика назначения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера сначала с 2000 по 2007 годы, а затем с 2007 по 2014 годы. Отмечается неадекватная стабильность количества осужденных и доли отдельных видов наказаний, к которым они приговаривались, в первый период. Делается вывод о консервативном подходе судей к принципам индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности. Выявляются причины такого положения, связанные с законодательными неточностями, не позволяющими назначать и эффективно исполнять альтернативные лишению свободы уголовно-правовые меры. Предлагаются пути решения данных проблем. Отмечаются и объясняются причины смены закостенелого подхода в назначении и исполнении наказаний начиная с 2007 года, когда на смену условности уголовной ответственности и реальному лишению свободы приходят меры уголовно-правового воздействия, не связанные с изоляцией осужденных от общества. Намечаются перспективы дальнейшей реализации уголовно-исполнительной политики страны в соответствии с задачами Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года.

Анализу подвергаются значимые изменения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в области назначения и исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера. На примере карательной практики за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, за коррупционные и террористические преступления делается попытка показать несовершенство и коллизию принципов гуманизма и справедливости. Предлагается проводить корреляцию смягчений условий и порядка исполнения и отбывания наказаний осужденными с правами потерпевших от преступных посягательств. В целях предупреждения новых преступлений и исправления осужденных предлагается исключить дублирование функций контроля за несовершеннолетними осужденными без изоляции от общества учреждениями уголовно-исполнительной системы и подразделениями по делам несовершеннолетних ОВД, передав данные функции последним. Также обосновывается необходимость изменения правовой природы и сущности наказания в виде принудительных работ за счет трансформации института колоний-поселений, фактически не являющихся местами лишения свободы.

© Скобелин С. Ю., 2016

* Скобелин Сергей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий криминалистической лабораторией Академии Следственного комитета Российской Федерации
skob@inbox.ru

125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Ключевые слова: назначение наказания, иные меры воздействия, исполнение наказаний, справедливость, дифференциация, индивидуализация, предупреждение преступлений, средства исправления, гуманизация, постпреступный контроль, исправление.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.124-137

Уголовно-исполнительная политика, являясь составной частью уголовной и общегосударственной политики страны, представляет собой проводимую государственными структурами, общественными организациями, органами местного самоуправления систему мер, направленных на выработку эффективных форм, методов и средств исполнения всех видов наказания и иных мер уголовно-правового характера, на достижение единых социальных результатов, связанных с предупреждением преступлений и исправлением осужденных.

Данная политика, безусловно, напрямую зависит от таких факторов, как экономическое положение страны и потребности общества, международное положение, идеология, нравственные ценности, структура и динамика преступности, и от ряда других, в том числе и от научных разработок.

Исходя из указанных факторов уголовно-исполнительная (ранее — исправительно-трудовая, карательная) политика как нашей страны, так и всей цивилизации на протяжении всего исторического развития была очень неоднозначной: от чрезмерной жестокости по отношению к преступнику, когда наказание являлось не чем иным, как воздаянием за совершенное преступление, до такой же чрезмерной гуманности к нему, когда наказание превращалось в защиту преступника от общества и самого себя (теории социальной защиты или нерепрессивного воздействия¹). К сожалению, указанные крайности не давали и не дают искомого эффективного результата в удержании лиц от повторного совершения общественно опасных деяний и в сохранении уже оступившегося человека полноправным, социально безопасным и, главное, приспособленным к жизни в обществе.

Конец XX — начало XXI века связаны с принятием нового Основного Закона страны — Конституции РФ, с серьезными правовыми

антикриминальными реформами, а именно полным обновлением законодательства уголовно-правового блока (уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного). На протяжении последних 15 лет продолжается реформирование и пересмотр как самого арсенала средств уголовно-правового реагирования на факты противоправного поведения людей, их содержания, так и порядка назначения и исполнения.

Теоретики и практики, специализирующиеся в области назначения и исполнения наказания, постоянно дискутирующие вопрос об эффективности традиционно наиболее распространенного в России вида наказания — лишения свободы, кажется, сошлись во мнении о скорейшей возможности достигать цели наказания посредством альтернативных санкций. И это является основной тенденцией уголовно-исполнительной политики страны.

По справедливому утверждению Н. Б. Хуторской, «несмотря на сохраняющуюся тенденцию широкого применения тюремного заключения во многих странах мира, его негативные последствия как для преступника, так и для общества в целом становятся все более очевидными. Без преувеличения можно сказать, что во многих странах мира ведутся поиски внетюремных видов наказаний и совершенствование средств и методов воздействия на правонарушителей»².

Этому, безусловно, способствовали и высказывания политических лидеров страны. О необходимости гуманизировать уголовную ответственность и наказание, а также порядок их исполнения, обеспечивать неотвратимость уголовной ответственности вместо ее суровости несколько раз с 2002 года говорили В. В. Путин и Д. В. Медведев, занимая посты Президента России, в своих посланиях Федеральному Собранию РФ. Так, по словам

¹ Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970. С. 100.

² Хуторская Н. Б. Опыт применения общественных (обязательных) работ за рубежом // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы международной конференции. М. : PRI, 2001. С. 166.

Д. В. Медведева, «... нельзя забывать и о таком принципиальном вопросе, как гуманизация закона и порядка его применения. Судам следует более взвешенно относиться к избранию мер пресечения в виде ареста и к назначению наказаний, связанных с изоляцией от общества. В то же время правоохранительная и судебная системы должны обеспечить действенную защиту прав и интересов лиц, пострадавших от совершенных преступлений»³.

Прежде чем анализировать основные тенденции именно уголовно-исполнительной политики страны, нельзя не затронуть судебную практику в отношении преступников за 2000—2014 годы (назначенные основные наказания и условное осуждение, удельный вес которых превышает 1 %).

Прослеживая практику применения отдельных видов наказания и условного осуждения с 2001 по 2007 годы, необходимо подчеркнуть, что из всех осужденных за этот период условное осуждение стабильно занимало лидирующие позиции, а именно применялось к каждому второму осужденному (45,1—57,5 %). Лишение свободы применялось к каждому третьему осужденному (30,9—35,1 %). Примерно одинаково стабильно назначались исправительные работы (около 5 %). За счет исключения

из видов наказаний конфискации имущества выросла доля штрафа — с 6,3 до 12,9 %. Постепенно увеличивается удельный вес осужденных к обязательным работам (с 0,1 до 3 %).

Общий удельный вес этих пяти мер уголовно-правового воздействия в 2003 году составил 99,9 %, т.е. другие основные наказания практически не применялись, несмотря на достаточно разветвленную систему наказаний, предусмотренную ст. 44 УК РФ. В это время основной формой реализации уголовной ответственности стало не уголовное наказание, а условное осуждение к лишению свободы. Удельный вес осужденных к реальному и условному лишению свободы в 2002 года достиг предела и был равен 88,6 % (из них условно — 56,4 %)⁴, т.е. данное наказание было назначено в отношении свыше 700 тыс. человек. Это, безусловно, свидетельствует, с одной стороны, о карательном характере российской уголовной политики, а с другой — о несовершенстве системы мер реагирования на преступное поведение.

Карательная практика российских судов в отношении несовершеннолетних преступников в этот период также не безупречна. В 2003 году несовершеннолетних либо изолируют от общества, назначая наказание в виде лишения свободы реально (23 530 / 24,3 %),

Таблица 1

Уголовно-правовые меры, примененные к осужденным в 2001—2007 гг.*

Осуждено к мерам наказания, в т. ч. условно (чел. / доля от общего числа осужденных)	Годы						
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Всего	1 187 721	830 607	768 314	788 925	873 612	909 921	916 566
Условно	682 930 / 57,5 %	468 091 / 56,4 %	426 048 / 55,5 %	415 659 / 52,7 %	419 807 / 48,1 %	420 956 / 46,7 %	410 620 / 45,1 %
К лишению свободы	367 469 / 30,9 %	267 109 / 32,2 %	252 041 / 32,8 %	257 284 / 32,6 %	306 841 / 35,1 %	312 473 / 34,7 %	301 428 / 33,1 %
К исправительным работам	62 182 / 5,2 %	43 087 / 5,2 %	39 808 / 5,2 %	36 658 / 4,6 %	42 667 / 4,9 %	43 371 / 4,8 %	42 761 / 4,7 %
К штрафу	74 853 / 6,3 %	52 114 / 6,3 %	50 064 / 6,5 %	78 282 / 9,9 %	90 417 / 10,3 %	98 207 / 10,9 %	117 300 / 12,9 %
К обязательным работам				616 / 0,1 %	13 300 / 1,5 %	26 728 / 3,0 %	38 498 / 4,2 %

* URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 16 августа 2015 г.) ; Преступность и правонарушения (2001—2005). Статистический сборник. М., 2006. С. 163.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 // Российская газета. 2008. 6 ноября.

⁴ Преступность и правонарушения (2001—2005). С. 151—152.

либо назначают условное осуждение, но опять же к лишению свободы (55 871 / 57,6 %). Институт принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренный законодателем для данной категории осужденных, бездействует. Несмотря на рекомендации Верховного Суда РФ о расширении использования данного института, ныне они применяются не более чем к 2 % несовершеннолетних, представших перед судом⁵.

Сегодня наряду с совершеннолетними осужденными под контролем уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России находятся и несовершеннолетние преступники, которые подвергаются как бы двойному контролю: во-первых, состоят на учете в уголовно-исполнительных инспекциях по месту жительства, перед которыми должны отчитываться и куда должны являться на регистрацию (как правило, такая обязанность несовершеннолетним назначается всегда), а инспекции, со своей стороны, должны контролировать их поведение и выполнение ими возложенных судом обязанностей, а во-вторых, аналогичные обязанности возложены на комиссии по делам несовершеннолетних⁶. Такой подход себя не оправдывает. Данная часть условно осужденных достаточно велика и, как представляется, нуждается в «особом» подходе⁷. Двойная форма контроля, ведение соответствующей документации и двойная «подчиненность» самих несовершеннолетних непоследовательны.

Привлекающим внимание является предложение А. А. Лиеде по поводу создания для данной категории института специально подготовленных попечителей по примеру опыта

ювенальной юстиции некоторых зарубежных стран⁸, что в настоящее время вряд ли выполнимо. Представляется более приемлемым возврат к предыдущему опыту, т.е. полная передача функций учета и контроля за поведением таких условно осужденных подразделениям по делам несовершеннолетних, хотя тем самым будет нарушено с таким трудом создаваемое организационное единство функций исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, переданных в Министерство юстиции, о котором пишет В. И. Селиверстов⁹. Но, по верному утверждению А. И. Зубкова, в данном случае такое нарушение просто необходимо, так как ОВД в лице ПДН и других служб имеют огромный опыт работы с несовершеннолетними правонарушителями и такой подход полностью согласуется с Федеральным законом «Об основах государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹⁰.

Предложенный подход связан не только со спецификой данного контингента в плане физиологии, психических особенностей, психологического подхода¹¹, но и с необходимостью разгрузки уголовно-исполнительных инспекций, а также снижением уровня рецидива условно осужденных несовершеннолетних, который стабильно превышает рецидив взрослых «условников».

Не вдаваясь в специфику исполнения условного осуждения несовершеннолетних, хотелось бы заметить, что другим решением этого вопроса мог бы стать полный отказ от назначения данной категории преступников условного осуждения за счет более широкого приме-

⁵ Карелин Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 5.

⁶ Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации». П. 2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.08.2015).

⁷ Лиеде А. А. Социологические и психологические основы условного осуждения несовершеннолетних // Известия вузов : Правоведение. 1996. № 4. С. 125 ; Жигарев Е. С. Криминологическая характеристика несовершеннолетних и организация их правового воспитания : учеб. пособие. М., 1990. С. 9.

⁸ Лиеде А. А. Указ. соч. С. 125.

⁹ Селиверстов В. И. Концептуальные проблемы передачи уголовно-исполнительной системы в Министерство юстиции России // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сборник науч. трудов. Красноярск, 1998. С. 68.

¹⁰ Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий (в связи с проектом Федерального закона «О внесении в некоторые законодательные акты Российской Федерации изменений и дополнений по вопросам уголовно-исполнительной системы»). М., 2000. С. 45.

¹¹ Игошев К. Е. Психология преступных проявлений среди молодежи. М., 1971. С. 79.

ния к ним предусмотренных законодателем принудительных мер воспитательного воздействия, расширения их перечня и корректировки системы¹².

Изучение судебной практики до 2007 года позволяет утверждать, что судебная система, так же как и вся правоохранительная система (точнее, оценка эффективности их работы), построена на отчетности, процентах и какие-либо резкие колебания здесь не приветствуются. Речь идет о ежегодной стабильности количества осужденных в целом, а также удельного веса реального лишения свободы (30—35 % всех осужденных) и условного осуждения (около половины всех осужденных). Представляется, что такой стабильности быть не может ввиду существенных изменений количественных и качественных показателей преступности в стране за этот период (состояние, структура, динамика, характер, вред и др.), изменений в общем криминологическом портрете преступников. Соответственно должны изменяться и характеристики судимости. Иначе — может ли в этих

условиях идти речь о дифференциации, об индивидуализации назначения и исполнения наказаний, наконец, о справедливости уголовной ответственности? Нельзя забывать о высоком уровне рецидива среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Безусловно, на сложившееся положение дел влияет и несовершенство отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Немало трудностей возникает у суда и уголовно-исполнительных инспекций при исполнении «обновленных» исправительных работ, когда знаменитым Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» законодатель запретил назначать это наказание лицам, имеющим основное место работы. Спустя 8 лет, 7 декабря 2011 года, ошибка была устранена путем возврата к прежней редакции, когда это наказание назначалось и имеющим основное место работы, где оно и отбывалось.

Таблица 2

Уголовно-правовые меры, примененные к осужденным в 2008—2014 гг.*

Осуждено к мерам наказания, в т. ч. условно (чел. / доля от общего числа осужденных)	Годы						
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	925 166	892 360	845 071	782 274	739 278	735 340	719 305
Условно	358 696 / 38,9 %	341 514 / 38,4 %	307 206 / 36,5 %	282 227 / 36,2 %	221 908 / 30,2 %	201 538 / 27,6 %	197 859 / 27,8 %
К лишению свободы	312 137 / 33,9 %	289 202 / 32,5 %	265 843 / 31,6 %	227 050 / 29,1 %	206 254 / 28,0 %	209 728 / 28,7 %	209 448 / 29,4 %
К исправительным работам	47 892 / 5,2 %	44 398 / 5,0 %	41 282 / 4,9 %	40 037 / 5,1 %	70 400 / 9,6 %	75 778 / 10,4 %	75 120 / 10,5 %
К штрафу	133 772 / 14,5 %	131 402 / 14,8 %	123 495 / 14,7 %	113 503 / 14,6 %	113 358 / 15,4 %	116 176 / 15,9 %	111 842 / 15,7 %
К обязательным работам	49 317 / 5,3 %	19 628 / 2,2 %	79 874 / 9,5 %	89 881 / 11,5 %	76 560 / 10,4 %	73 172 / 10,0 %	69 898 / 9,8 %
К ограничению свободы			7 941 / 0,9 %	10 994 / 1,4 %	25 269 / 3,4 %	32 042 / 4,4 %	26 983 / 3,8 %

* URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 16 августа 2015 г.).

¹² Горобцов В. И. О корректировке системы уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов междунар. науч.-практ. конференции (7—8 февраля 2003г.) : в 2 ч. Красноярск, 2003. Ч. 1. С. 26.

¹³ Князев А. В., Елизаров А. Б. Нормативные проблемы исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития : материалы науч.-практ. конференции. Ч. 2. М. : НИИ ФСИН России, 2005. С. 43.

Только с начала 2004 года (спустя 7 лет после введения УК РФ 1997 года) стали назначаться и исполняться обязательные работы. В то же время первоначальная редакция УК РФ и УИК РФ поставила уголовно-исполнительные инспекции ФСИН РФ в такие условия, когда осужденного практически невозможно трудоустроить в муниципальных предприятиях ввиду отсутствия и реорганизации последних, когда нормы уголовного, уголовно-исполнительного, гражданского законодательства не согласованы в области юридического оформления привлечения осужденного к обязательным работам¹³, страхования возможного вреда, причиненного при исполнении этого вида наказания осужденному или самим осужденным, и многое другое.

Начиная с 2008 года практика назначения уголовных наказаний и иных мер стала изменяться, несмотря на стабильное общее количество осужденных (720—900 тысяч).

Во-первых, революционным можно назвать то, что суды наконец «преодолели» 30 %-й рубеж назначения реального лишения свободы, который стойко удерживался с начала принятия нового УК РФ вплоть до 2011 года.

Во-вторых, резко пошло на убыль применение условного осуждения. Если, как отмечалось, доля данной меры до 2005 года не снижалась ниже 50 %, то в 2013-м упала до 27,6 %, таким образом, впервые стала реже применяться, чем реальное лишение свободы на определенный срок.

В-третьих, после изменения правил назначения и условий исполнения исправительных работ количество осужденных к данной мере в 2012 году выросло почти в 2 раза — с 40 тыс. до 70 тыс. (с 5 до 9 % от всех наказаний).

В-четвертых, с 2010 года, спустя 13 лет после принятия УК РФ, заработало в корне измененное наказание в виде ограничения свободы.

Таким образом, судебная практика последней пятилетки свидетельствует о реальном сокращении «тюремного населения» и применении альтернативных лишению свободы мер.

Гуманизация прослеживается и в уголовно-исполнительном законодательстве. Так, Федеральным законом от 13.07.2015 № 260-ФЗ осужденным, содержащимся в различных ус-

ловиях и видах исправительных учреждений, в разы увеличены ежемесячные денежные суммы, предусмотренные для приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости.

Учеными и практиками доказано, что эффективным средством исправления осужденных, даже изначально настроенных атеистически, является вера в бога. Поэтому в целях обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных с 20 апреля 2015 г. в учреждениях, исполняющих наказания, федеральный орган уголовно-исполнительной системы стал заключать с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями соглашения о взаимодействии. Личные встречи со священнослужителями предоставляются без ограничения их числа продолжительностью до 2 часов каждая.

Осужденные, правозащитные и общественные организации настаивают на создании храмов в каждом исправительном учреждении, а также следственных изоляторах, причем с учетом религиозной принадлежности различных осужденных. И сегодня в 755 исправительных, 62 воспитательных колониях и 226 следственных изоляторах действуют 510 храмов. Причем это и православные храмы, часовни, домовые церкви, и исламские мечети, и буддийские дуганы и хурулы, и католические костелы. Функционируют 734 молитвенные комнаты, из них: православных — 517, исламских — 87, иудейских — 1, буддийских — 7, католических — 3, ЕХБ (евангельские христиане-баптисты) — 64, ХВЕ (христиане веры евангельской — пятидесятники) — 58, других миссий — 4. Осуществляют деятельность более 1 100 религиозных общин¹⁴.

В 2000 г. между Главным управлением Федеральной службы исполнения наказаний России и Русской православной церковью было подписано Соглашение о сотрудничестве, послужившее углублению духовно-нравственного потенциала воспитательного воздействия на осужденных. На уровне субъектов Российской Федерации также принимаются соглашения о сотрудничестве с различными религиозными конфессиями¹⁵.

¹⁴ Обзор о взаимодействии учреждений и территориальных органов ФСИН России с общественными и религиозными организациями (объединениями) в 2006 году. М. : УСПВРО ФСИН России, 2006. С. 5.

¹⁵ Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Зубкова. М. : Инфра-М — Норма, 1997. С. 34—37.

В марте 2015 года вступил в силу закон, увеличивший с 3 до 5 лет срок рассрочки назначенного осужденному штрафа. Сам же штраф осужденный теперь обязан выплатить в течение не 30, а 60 дней со дня вступления приговора суда в законную силу.

Осужденные к лишению свободы, а также условно осужденные теперь вправе самостоятельно обращаться в суд (либо через своих законных представителей) с ходатайством о досрочном прекращении данных мер.

Таким образом, реализуется такая указанная в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года основная цель, как гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов¹⁶.

Прогрессивным следует признать введение в УИК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ статьи 172.1 — «Уведомление потерпевшего или его законного представителя», которая предусматривает защиту прав указанных лиц, в частности их уведомление со стороны администрации учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, об освобождении или о перемещении осужденного.

Следует особое внимание уделить именно защите прав потерпевших от преступления. Гуманизация не должна превращаться в безнаказанность. Как справедливо отмечают П. В. Тепляшин и Д. С. Васильев, «чрезмерная мягкость наказания преступника может вызывать негодование и отчаяние у потерпевших, в некоторых случаях — даже у всего общества. Все это может привести к росту социальной напряженности, отрицанию способности правоохранительных и судебных органов справляться со своими задачами, росту правового нигилизма, увеличению случаев расправы с преступниками без обращения к правоохранительным органам»¹⁷. К сожалению, примеры необоснованно мягких приговоров и даже полного освобождения от

уголовной ответственности лиц, совершивших преступления с жертвами, серьезные экономические и даже террористические преступления, имеются.

Ряд законодательных изменений, направленных на сокращение «тюремного населения», как представляется, непоследовательны и преждевременны. Это касается и исключения нижнего предела санкций ряда тяжких и особо тяжких преступлений (ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 161 «Грабеж», ст. 162 «Разбой» УК РФ и др.)¹⁸.

Возможность суда при некоторых условиях снижать категорию совершенного преступления привела к тому, что преступники, совершившие тяжкие преступления, освобождаются от наказания и уголовной ответственности, некоторым из них невозможно назначить наказание в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 56 УК РФ). Либо, наоборот, сохраняется возможность повторно назначить условное осуждение при совершении нового преступления в период испытательного срока, смягчить вид исправительного учреждения и режимные условия отбывания, снизить сроки давности, вид рецидива, сократить минимальные сроки отбывания лишения свободы, необходимые для условно-досрочного освобождения, смягчения наказания, и сроки судимости.

Научная общественность обоснованно критикует судебную практику примирительных процедур и освобождение в связи с деятельным раскаянием (ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ) по преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта, в которых от действий виновных (чаще находящихся в состоянии опьянения) гибнут люди¹⁹. Причем основным, непосредственным объектом здесь выступают публичные отношения безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 263—268 УК РФ).

Так, 14 мая 2013 года постановлением судьи Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга было прекращено уголовное дело в отношении С., признанного виновным в со-

¹⁶ URL: http://fsin.su/document/index.php?ELEMENT_ID=6663 (дата обращения: 17 августа 2015 г.).

¹⁷ Тепляшин П. В., Васильев Д. С. Эффективность гуманизма в профилактике преступлений // Российский следователь. 2013. № 14. С. 38.

¹⁸ Кибальник А. Г. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства? // Законность. 2011. № 9. С. 23.

¹⁹ Шнитенков А. В. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемы законодательства и судебной практики // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 54.

вершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 264 УК РФ. В результате нарушения Правил дорожного движения С., управлявший автомобилем, причинил смерть дорожным рабочим — Б. и Л. В ходе судебного разбирательства С. выплатил потерпевшим К. и Л. по 1 млн руб. каждой, и от них поступили заявления о прекращении уголовного дела в отношении подсудимого С. в связи с примирением и возмещением причиненного ущерба в полном объеме.

Как ни странно, подобная практика считается правильной. Так, в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» отмечается: «При рассмотрении вопроса о применении положений ст. 76 УК РФ к лицам, совершившим преступление, последствием которого явилась смерть пострадавшего, судам следует иметь в виду положения ч. 8 ст. 42 УПК РФ о переходе прав потерпевшего в таких случаях к одному из близких родственников погибшего. Поскольку уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо ограничений в процессуальных правах лиц, признанных потерпевшими в порядке, установленном ч. 8 ст. 42 УПК РФ, примирение лица, совершившего преступление, с такими потерпевшими может служить основанием для освобождения его от уголовной ответственности»²⁰.

Например, в 2013 году суды прекратили уголовное преследование в отношении 7 325 (50,6 % от всех осужденных по данной статье) виновных в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, в связи с примирением сторон на основании ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ. Причем более 1 000 таких деяний были связаны с человеческими жертвами и совершены в состоянии алкогольного опьянения. 41 субъект был освобожден от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в соответствии со ст. 75 УК РФ, 28 УПК РФ. В 2014 году эти цифры составили 7 316 (62,5 %) и 44 соответственно.

Принцип неотвратимости наказания не срабатывает и в ходе применения положений ст. 76.1 УК РФ «Освобождение от уголовной

ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», обязывающей следователя или судью освобождать субъектов более 20 экономических преступлений от уголовной ответственности, если преступление совершено впервые и причиненный ущерб возмещен в полном объеме или пятикратном размере. В этих условиях следователи становятся «коллекторами» уголовного судопроизводства. Больше того, в соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» при возмещении ущерба и (или) заглаживании вреда иными лицами или организациями такие лица в случае дальнейшей преступной деятельности вновь считаются совершившими данные преступления впервые и вновь освобождаются от уголовной ответственности.

Уголовно-правовые средства противодействия получению взяток (ст. 290 УК РФ), безусловно, являются наиболее действенными как с точки зрения общей превенции данного коррупционного преступления со стороны должностных лиц, склонных к подобному поведению, так и в части индивидуального предупреждения со стороны должностного лица, уже получившего взятку.

Несмотря на высокую латентность коррупционных преступлений, статистический анализ демонстрирует динамичный рост регистрируемых фактов получения взяток, как и других коррупционных преступлений. Так, по данным Следственного комитета РФ, за период с 2000 по 2010 год число регистрируемых преступлений, предусмотренных главой 30 УК РФ, возросло в 2 раза и составило 37 067 преступлений²¹. Количество преступлений коррупционной направленности, дела о которых направлены в суд, в 2013 году составило 28 712. Перед судом предстали около 10 тысяч коррупционеров, по ст. 290 УК РФ было осуждено — 1 571, а в 2014 году — 1 625 чиновника²².

В 2013 году из 1 571 взяточников к реальному лишению свободы были осуждены лишь 191 (12,1 %), причем без дополнительного наказания в виде лишения права занимать после

²⁰ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 8 апреля 2015 г.).

²¹ Вестник Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации. 2010. № 3—4. С. 95—96.

²² URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150&item=2372> (дата обращения: 12 августа 2015 г.).

освобождения свои должности, к штрафу как основному виду наказания — 1 073 (68,3 %), штрафу как дополнительному виду наказания — 309 (19,6 %), условно с испытательным сроком — 360 (22,9 %).

Изучение судебной практики за 2009—2014 годы показывает некоторую либеральность судей к лицам, причастным к преступлениям террористической направленности. Стоит заметить, что активные лидеры террористов часто правомерно в соответствии со ст. 22 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» лишаются жизни в ходе пресечения террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями.

За последние 5 лет за совершение террористических актов, содействие террористической деятельности и публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма было осуждено 73 человека, из них в отношении 36 (50 %) наказание в виде лишения свободы назначено ниже низшего предела при наличии исключительных обстоятельств на основании ст. 64 УК РФ, 3 осуждены условно с испытательным сроком на основании ст. 73 УК РФ, то есть фактически освобождены от наказания, 1 осужденный оправдан.

Анализируя произошедшие в этот период террористические акты в г. Назрани, г. Махачкале, г. Кизляре, крушение поезда «Невский экспресс», взрывы в московском метро, в аэропорту «Домодедово», а также вспоминая беспрецедентные теракты в школе г. Беслана, театральном комплексе на Дубровке, серию преступлений в г. Волгограде, невольно задаешься вопросом, откуда подобный либерализм судей? Либо проблема находится глубже — в качестве расследования и наличии достаточной доказательственной базы?

Федеральным законом от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сделаны шаги в сторону ужесточения уголовной ответственности террористов:

Увеличены сроки лишения свободы при назначении данного наказания по совокупности преступлений до 30 лет и по совокупности приговоров — до 35 лет в случае совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358 и 360 УК РФ (ч. 5 ст. 56 УК РФ).

Совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма введено в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Статья 64 дополнена частью 3 следующего содержания: «Виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 настоящего Кодекса, либо виновным в совершении сопряженных с осуществлением террористической деятельности преступлений, предусмотренных статьями 277, 278, 279 и 360 УК РФ, не может быть назначено наказание ниже низшего предела, предусмотренного указанными статьями, или назначен более мягкий вид наказания, чем предусмотренный соответствующей статьей, либо не применен дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного».

Осужденным за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 205, ч. 1 и 2 ст. 205.1, ст. 205.2, ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5, ч. 1—3 ст. 206, ст. 360 УК РФ, запрещено назначать условное осуждение (п. «а.1» ч. 1 ст. 73 УК РФ).

К той же категории осужденных не применяются сроки давности (ч. 5 ст. 78 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ч. 1 ст. 82 УК РФ), сроки давности обвинительного приговора (ч. 4 ст. 83 УК РФ).

Также увеличены сроки лишения свободы и повышена категоризация ряда преступлений террористического характера.

Этот адекватный шаг приведет к тому, что все осужденные за данные преступления будут приговариваться к реальному лишению свободы.

Однако не стоит забывать и о заключительных этапах реализации уголовной ответственности — об отбывании назначенного наказания и постпенитенциарном надзоре за данной категорией преступников.

Как показывает практика, осужденные за преступления террористического характера, как правило, совершают их впервые в молодом возрасте (что, соответственно, судами учитывается как смягчающее обстоятельство), большинство из них ранее не отбывали лишения свободы. Следовательно, согласно п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ такие лица отбывают лишение свободы в исправительных колониях строгого (даже не особого) режима. Лишь единственный осужденный к пожизненному лишению свободы Ч. А. Рустамов был направлен для отбывания лишения свободы в исправительную колонию особого режима.

Напомним, что осужденные к лишению свободы, отбывающие наказание в обычных (как и облегченных) условиях в исправительных колониях строгого режима, проживают в общежитиях, то есть постоянно находятся с другими осужденными. Будучи, как правило, глубоко убежденными экстремистами, зараженными идеями терроризма, они могут негативно повлиять и даже привлечь на свою сторону других осужденных²³. Именно поэтому в уголовном (ст. 58 УК РФ) и уголовно-исполнительном (ст. 74 УИК РФ) законодательстве следует закрепить норму о направлении таких осужденных в исправительные колонии особого режима или тюрьму и предусмотреть их проживание в запираемых помещениях или помещениях камерного типа.

Учитывая, что рано или поздно все террористы (возможно, и осужденные к пожизненному лишению свободы) окажутся на свободе, следует дополнить ст. 3 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» отдельным пунктом об обязательном административном надзоре в отношении обозначенной категории преступников в период судимости. Кроме этого, в ст. 86 УК РФ необходимо оговорить невозможность досрочного снятия судимости с данных лиц, представляющих опасность для общества и государства.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года говорится о необходимости совершенствования уголовно-исполнительной политики (организации исполнения наказаний), направленной на социализацию осужденных; изменения структуры уголовно-исполнительной системы, создания новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы, отказа от коллективной формы содержания осужденных, осуществления раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного. Стоит признать, что в этих направлениях каких-либо законодательных, организационных изменений и конкретных действий не наблюдается.

В то же время в условиях изоляции по-прежнему находится достаточно большое количество осужденных. По состоянию на 1 июля 2015 года в уголовно-исполнительную систему входят 729 исправительных колоний, 128 колоний-поселений, 6 исправительных колоний для осужденных к пожизненному лишению свободы, 219 следственных изоляторов и 106 помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, 8 тюрем и 39 воспитательных колоний для несовершеннолетних. В данных учреждениях содержатся 658 279 человек. В 81 федеральном казенном учреждении «Уголовно-исполнительная инспекция» и в 2 407 их филиалах состоят на учете 437 918 осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и 3 167 подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся под домашним арестом.

Необходимо согласиться с мнением о том, что монопольное положение наказания как единственного средства уголовно-правового принуждения осталось в прошлом²⁴.

На рубеже веков в научных кругах активно стал обсуждаться вопрос кризиса института уголовного наказания, все чаще научный взор стал обращаться в сторону его альтернатив, в частности иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных действующим уголовным законом (ст. 2 УК РФ). Действительно, современные реалии свидетельствуют о необходимости поиска новых путей реагирования государства на преступное поведение граждан. Тем более, что эффективность действующих наказаний оставляет желать лучшего.

Причем не всегда данные меры должны носить карательный характер, а в условиях модернизации арсенала уголовно-правовых средств воздействия на правонарушителей их содержание и формы могут со временем несколько трансформироваться.

Социально-правовая действительность свидетельствует о поиске новых форм реализации уголовной ответственности, отвечающих международным стандартам и способных достичь целей — удержания осужденного от повторного совершения преступления и обеспечения спокойной жизни законопослушных граждан.

²³ Усманов И. М., Сулайманов З. Г. Религиозный аспект радикализации осужденных к лишению свободы: миф или реальность? // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2014. № 2. С. 88.

²⁴ См.: Пронников В. В., Нечепуренко А. А. Содержание условного осуждения и пути оптимизации его назначения // Российская юстиция. 2006. № 9.

В поисках оптимальных путей выхода из сложившейся ситуации учеными высказывались предложения по дополнению системы уголовных наказаний отработанными в некоторых зарубежных странах и показавших свою эффективность наказаниями в виде домашнего ареста (аналог ограничения свободы), залога²⁵; по возврату таких наказаний, как увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред²⁶, ссылка, высылка; по возвращению и приданию наказанию в виде конфискации имущества статуса основного²⁷ и др.

Ранее ученые справедливо предлагали трансформировать институт колоний-поселений, фактически не являющихся лишением свободы, в наказание в виде ограничения свободы и ввести его в действие путем изменения ст. 53 УК РФ²⁸. Законодатель пошел по другому пути. Однако данное предложение остается актуальным для такого явно нереального наказания, как принудительные работы, которые появились в отечественном законодательстве 7 декабря 2012 года.

Исходя из комплексного анализа факторов, влияющих на формирование уголовно-исполнительной политики, выявляются следующие тенденции ее развития:

Гуманизация, поиск новых и совершенствование уже имеющихся мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы.

Передача функций по исполнению некоторых видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного, органам местного самоуправления и подразделениям по делам несовершеннолетних (обязательные, исправительные работы, условное осуждение в отношении несовершеннолетних).

Демилитаризация уголовно-исполнительной системы и увеличение гуманитарной, социальной составляющей, то есть вывод из силовых ведомств всей системы либо учреждений и органов, исполняющих уголовно-правовые меры без изоляции²⁹.

Переход от ретрибутивного (возмездного, основанного в первую очередь на опасности деяния) к консеквенциональному (некарательному, основанному на личных качествах преступника) подходу к наказанию и мерам уголовно-правового характера³⁰.

Дифференциация назначения и исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера, при котором оно должно быть адекватным и соразмерным содеянному³¹.

Изложенное является лишь постановкой проблемы адекватной и эффективной реакции государства на противоправное поведение граждан, необходимости должной научной проработки данного вопроса, пересмотра и реанимирования всей системы уголовно-правового принуждения.

²⁵ Горобцов В. И. Организационно-правовые меры, альтернативные уголовному наказанию в виде лишения свободы // Перспективы деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы : тезисы докладов Всерос. науч.-практ. конференции. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2000. С. 26—27.

²⁶ См.: Зубкова В. И. Система наказаний по УК РФ и проблемы ее реализации // Уголовное право в XXI веке : материалы Междунар. науч. конференции на юрид. факультете МГУ имени М.В.Ломоносова, 31 мая — 1 июня 2001 г. М. : ЛексЭст, 2002. С. 139.

²⁷ См.: Устинов В. С. Уголовно-политическая стратегия в XXI веке // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 6 / отв. ред. В. И. Горобцов ; Сибирский юридический институт МВД России. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2003. С. 7, 12.

²⁸ См.: Горобцов В. И. О корректировке системы уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов междунар. науч.-практ. конференции (7—8 февраля 2003 г.). Ч. 1. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2003. С. 24 ; Милуков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001. С. 79.

²⁹ Селиверстов В. И., Бабунов В. В. О перспективных путях развития уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития : материалы науч.-практ. конференции. Ч. 1. М. : НИИ ФСИН России, 2005. С. 23.

³⁰ Уткин В. А. Роль «тюремных начал» в современной пенитенциарной системе России // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития. С. 43.

³¹ Уголовно-правовое воздействие / под ред. А. И. Рапога. М., 2012.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ансель М. Новая социальная защита. — М., 1970.
2. Горобцов В. И. О корректировке системы уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов международной научно-практической конференции (7—8 февраля 2003 г.) : в 2 ч. — Ч. 1. — Красноярск, 2003.
3. Горобцов В. И. Организационно-правовые меры, альтернативные уголовному наказанию в виде лишения свободы // Перспективы деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы : тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. — Иркутск, 2000.
4. Жигарев Е. С. Криминологическая характеристика несовершеннолетних и организация их правового воспитания. — М., 1990.
5. Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий (в связи с проектом Федерального закона «О внесении в некоторые законодательные акты Российской Федерации изменений и дополнений по вопросам уголовно-исполнительной системы»). — М., 2000.
6. Зубкова В. И. Система наказаний по УК РФ и проблемы ее реализации // Уголовное право в XXI веке : материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ имени М.В.Ломоносова, 31 мая — 1 июня 2001 г. — М., 2002.
7. Игошев К. Е. Психология преступных проявлений среди молодежи. — М., 1971.
8. Кибальник А. Г. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства? // Законность. — 2011. — № 9.
9. Князев А. В., Елизаров А. Б. Нормативные проблемы исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития : материалы научно-практической конференции. — Ч. 2. — М., 2005.
10. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Зубкова. — М., 1997.
11. Лиеде А. А. Социологические и психологические основы условного осуждения несовершеннолетних // Правоведение. — 1996. — № 4.
12. Милуков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминопенитенциарный анализ. — СПб., 2001.
13. Пронников В. В., Нечепуренко А. А. Содержание условного осуждения и пути оптимизации его назначения // Российская юстиция. — 2006. — № 9.
14. Селиверстов В. И. Концептуальные проблемы передачи уголовно-исполнительной системы в Министерство юстиции России // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. — Красноярск, 1998.
15. Селиверстов В. И., Базунов В. В. О перспективных путях развития уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития : материалы научно-практической конференции. — Ч. 1. — М., 2005.
16. Теплов В. Применение условного осуждения и отсрочки исполнения приговора // Советская юстиция. — 1986. — № 17.
17. Тепляшин П. В., Васильев Д. С. Эффективность гуманизма в профилактике преступлений // Российский следователь. — 2013. — № 14.
18. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А. И. Рарога. — М., 2012.
19. Усманов И. М., Сулайманов З. Г. Религиозный аспект радикализации осужденных к лишению свободы: миф или реальность? // Вестник Национального антитеррористического комитета. — 2014. — № 2.
20. Устинов В. С. Уголовно-политическая стратегия в XXI веке // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. — Вып. 6 / отв. ред. В. И. Горобцов. — Красноярск, 2003.
21. Уткин В. А. Роль «тюремных начал» в современной пенитенциарной системе России // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития : материалы научно-практической конференции. — Ч. 1. — М. : НИИ ФСИН России, 2005.
22. Хуторская Н. Б. Опыт применения общественных (обязательных) работ за рубежом // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы международной конференции. — М., 2001.
23. Шнитенков А. В. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемы законодательства и судебной практики // Российская юстиция. — 2014. — № 11.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

PENAL ENFORCEMENT POLICY TENDENCIES IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 21 CENTURY

SKOBELIN Sergei Yur'evich — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Criminalistics Laboratory of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

skob@inbox.ru

125080, Russia, Moscow, Vrubelya Street, 12

Review. *The article deals with the concept and contemporary trends in the penal and enforcement policy of the Russian Federation in the 21 century. It analyzes the judicial practice of prescribing criminal sentences and the like from the beginning of the year 2000 and up to 2007, and then from 2007 to 2014. The author notes an inadequate stability of the number of convicted and the share of some types of punishment carried out in the first group. It is concluded that conservative approach of judges to the principles of differentiation and individualization of criminal responsibility. The author reveals the reasons for the current situation which relate to legal inaccuracies not allowing the judges to effectively assign and execute criminal law measures alternative to the imprisonment. The ways of solving these problems are suggested. The article indicates and explains the reasons for the change of ossified approach in appointment and enforcement of sentences since 2007, when the criminal law measures not related to the isolation of convicts from the society take place of the conventions of criminal responsibility and real imprisonment. The prospects for further implementation of the penal and enforcement policy of the country in accordance with the objectives of the Concept of MIS by 2020 are outlined.*

Significant changes in criminal and penal and enforcement legislation in the field of appointment and execution of punishment and other measures of criminal law are analyzed. Through the example of punitive practices for crimes against traffic safety and operation of transport, corruption and terrorist crimes the author attempts to show the imperfection and conflict of principles of humanism and justice. It is proposed to carry out a correlation between the mitigation of the conditions and procedure of execution and serving the punishment by the condemned and the rights of victims of criminal attacks. In order to prevent new offenses and correct the convicts, it is suggested to avoid duplication of control functions for juvenile offenders without their isolation from the society through institutions of the penitentiary system and the juvenile divisions of ATS, by transferring these functions to the latter. The author also justifies the need to change the legal nature and scope of punishment in the form of forced labor by transformation of the Institute of the colony-settlement, without actually being incarcerated.

Keywords: *sentencing, the impact of other measures, execution of punishment, fairness, differentiation, individualization, crime prevention, means of correcting, humanization, postcriminal control, correction.*

BIBLIOGRAPHY

1. *Anhel Mark*. New Social Protection. — Moscow, 1970.
2. *Gorobtsov V. I.* On adjustment of the system of penal and enforcement law. Topical issues of combatting crime in the Siberian region: International Scientific and Practical Conference Digest (7-8 of February, 2003). 2 Parts. — Part 1. — Krasnoyarsk, 2003.
3. *Gorobtsov V. I.* Organizational and legal alternatives to criminal penalties of imprisonment //Prospects of activity of the Interior and the State Fire Service: All-Russian Scientific and Practical Conference Abstracts. — Irkutsk, 2000.
4. *Zhigarev E. S.* Criminological characteristics of juveniles and organization of their legal education. — Moscow, 1990.
5. *Zubkov A. I.* Punitive policy in Russia at the turn of the millennium (in connection with the draft of Federal Law "On introduction of amendments and additions to some legislative acts of the Russian Federation on the penal and enforcement system"). — Moscow, 2000.
6. *Zubkova V. I.* The system of penalties under the Criminal Code of the Russian Federation and problems of its realization // Criminal Law in the 21 century: Proceedings of the International Scientific Conference at the Law Faculty of the Lomonosov State University 31 May - 1 June 2001. — Moscow, 2002.
7. *Igoshev K. E.* Psychology of criminal manifestations among the youth. — Moscow, 1971.
8. *Kibal'nik A. G.* What will the "humanization" of criminal law lead to? Legality. — 2011.— No 9.
9. *Knyazev A. V., Elizarov A. B.* Regulatory problems of execution of punishments alternative to imprisonment // Penitentiary System of Russia: strategies of development. Proceedings of Scientific and Practical Conference. — Part 2. — Moscow, 2005.

10. Commentaries to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. Zubkov A.I. (ed.), — Moscow, 1997,
11. *Liede A. A.* Sociological and psychological bases of juvenile probation. Jurisprudence. — 1996. — No 4.
12. *Milyukov S. F.* Punishment: criminal and criminological analysis. Saint-Petersburg, 2001.
13. *Pronnikov V. V., Nechepurenko A. A.* The content of probation and ways to optimize its purpose// Russian Justice. — 2006. — No 9.
14. *Seliverstov V. I.* Conceptual problems of the transfer of the penitentiary system to the Ministry of Justice of Russia //Topical issues of the theory of crime and enforcement practice. -Krasnoyarsk, 1998.
15. *Seliverstov V. I., Bazunov V. V.* On prospective ways of development of the penitentiary system. //Penitentiary System of Russia: strategies of development. Proceedings of scientific and practical conference. — Part 1. — Moscow, 2005.
16. *Teplov V.* The practice of probation and suspended sentence. The Soviet Justice. — 1986. — No 17.
17. *Tepliyashin P.V., Vasil'ev D.V.* Efficiency of Humanism in Prophylactics of Crimes. //Russian Investigator, — 2013. — No 14.
18. Criminal law. / Raroga A.I. (ed.). — Moscow, 2012.
19. *Usmanov I. M., Sulaimanov Z. G.* The religious aspect of the radicalization of convicts: myth or reality? // Bulletin of the National Anti-Terrorist Committee - 2014. -No 2.
20. *Ustinov V. S.* Criminal and political strategy in the 21 century. //Topical issues of the theory of crime and law enforcement. — Issue 6. Gorobtsov V.I. (ed.). -Krasnoyarsk, 2003.
21. *Utkin V. A.* The role of "prison outbreak" in modern Russian penitentiary system. //Penitentiary System of Russia: strategies of development. Proceedings of scientific and practical conference. — Part 1. Moscow, Research and Development Establishment Federal Penitentiary Service of Russia, 2005.
22. *Khutorskaya N. B.* Experience in the use of public (compulsory) work abroad. //Alternatives to imprisonment in the Russian Federation: International conference proceedings. -Moscow, 2001.
23. *Shnitenkov A. V.* Conciliation with the victim as grounds for exemption from criminal liability: problems of legislation and judicial practice. Russian Justice, — 2014. — No 11.